

А. С. Хотеев

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института Истории
Национальной Академии Наук
(Беларусь, Минск)*

СТУДЕНЧЕСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ИОСИФА СЕМАШКО: ОСОБЕННОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ

Резюме

Статья посвящена рассмотрению особенностей студенческих диссертаций выдающегося церковного деятеля митрополита Иосифа (Семашко). Показывается актуальность поднятых вопросов о свойствах веротерпимости и христианском попечении о земных благах. Ход авторских рассуждений, основанных на традиционном для Запада рациональном богословии, открывает вдумчивость молодого Семашко и его интерес к темам христианской нравственности. Прилагаются переводы с латинского двух диссертаций этого автора.

Ключевые слова: *Иосиф Семашко, Виленская Главная семинария, веротерпимость, христианское отношение к почестям и богатству*

В «Записках» митр. Иосифа (Семашко), напечатанных Императорской Академией Наук в 1883 г., сохранились тексты двух его студенческих диссертаций на латинском языке, одна из которых была подана на степень магистра богословия¹. Первая носит

¹ Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею

название «О веротерпимости», а вторая – «О христианской заботе о временных благах». Эти относительно небольшие сочинения представляют интерес в нескольких отношениях. Во-первых, это достаточно редкий случай сохранности студенческих работ начала XIX в., которые бытовали в рукописной форме и потому были подвержены всем превратностям времени, оставаясь известными преимущественно только по названиям. На примере диссертаций молодого Иосифа Семашко можно составить представление об уровне студенческих сочинений того исторического периода, в частности, в Главной семинарии при Виленском университете. Во-вторых, эти труды имеют значение для биографии самого Преосвященного, для понимания его взглядов в их развитии. В-третьих, данные тексты могут представлять интерес в чисто литературном отношении для изучения стиля латинской речи нового времени, образов, тропов и других способов выражения мысли. Наконец, богословские работы Преосвященного Иосифа полезны при рассмотрении самих поднятых в них актуальных вопросов: христианской трактовки толерантности, а также заботы о земных благах и почестях. С учетом всего этого представляется необходимым перевод с латинского студенческих диссертаций будущего митрополита и в качестве введения к нему – рассмотрение их особенностей и ключевых идей. Это тем более необходимо потому, что никто из биографов митр. Иосифа (Семашко) до сих пор не останавливался специально на таком предмете.

Объясняя свое решение издать студенческие сочинения в «Записках», Преосвященный Иосиф заметил: «Эти юношеские упражнения едва ли уже не указывают на будущий мой образ мыслей»¹. Значит, спустя тридцать лет после окончания Главной семинарии, автор придерживался тех же воззрений и считал их правильными. Следовательно, изучая диссертации молодого Семашко, необходимо иметь в виду их положительную оценку уже маститого иерарха.

Что касается латинского языка, на котором написаны студенческие диссертации, то из признания самого автора известно, что он приложил много стараний для усовершенствования в нем уже в годы обучения в стенах Виленского университета: «Почти все мои товарищи проходили предварительно систематически в

Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1883. – Т. 1. – С. 435–450.

¹ Там же. С. 46.

епархиальных семинариях курс богословских наук на латинском языке, я же поступил прямо из светских училищ, едва имея понятие, что значит богословие. При том, я был слаб в латинском языке – и первые два года был настоящим тружеником. Когда другие затверживали уроки, я должен был с лексиконом в руках следить прежде за значением каждого слова; что ж, если к сему прибавит недостаток у меня памяти слов? Однако со временем преодолел я незнание языка; и профессора отдавали справедливость моим, хотя затруднительным, но отчетливым объяснениям². В итоге обе диссертации Семашко стали образчиком типичной университетской латыни с ее искусственно построенными длинными предложениями и грамматической шаблонностью выразительных средств. При этом следует заметить, что автор не увлекается «красным словом», крылатыми фразами и цитированием классиков, стараясь яснее изложить свои собственные мысли.

Первое сочинение не датировано и посвящено веротерпимости (*DeTolerantia*) и трактует важный вопрос о том, как сочетается исповедание одной истинной (богооткровенной) религии с толерантностью к иноверцам. Свое рассуждение автор начинает с того, что проводит различие между терпимостью к людям другой религии в общественном (гражданском) понимании и терпимостью к чуждому вероучению в богословском измерении. Последнее никак нельзя примирить с любовью к Богу, как и истину нельзя уравнивать с заблуждением. Если одна только религия верна, то остальные, искажающие ее, – ложны. Если же все религии обладают истиной только отчасти, то, следовательно, они все в какой-то мере искажают одну истину, значит, в абсолютном измерении неверны. Понятно, что христиане, убежденные в истинности своей религии, не могут согласиться с утверждением о частичной правоте Кафолической веры, поэтому не могут толерантно относиться к иным вероучениям. Итак, принцип христианского богопочитания, любовь к Богу, не позволяет признать равночестными догматы другой религии. В этом смысл, так сказать, богословской нетерпимости. Однако в отношении к иноверцам действует принцип любви к ближнему. Он означает, что обращение в истинную веру не может совершаться по принуждению, но добровольно. Здесь лучшим средством является добродетельная жизнь христиан, а не насильственные меры. Примечательна следующая мысль автора: как христиане, живущие

² Там же. С. 13–14.

в меньшинстве среди иноверцев, хотели бы для себя свободы отправления своей веры и деятельности, так точно иноверцы, проживающие в меньшинстве среди христиан, должны пользоваться свободой для своей религии и занятий. Христиане были гонимы за веру на заре церковной истории, но через свои мучения и добродетели смогли изменить мнение о себе у язычников. И уже в христианских странах в новое время гонения на заблуждающихся (еретиков) имели такой же эффект, так как гонимые еретики почитались мучениками от своих единоверцев и через это лжеучение только укреплялось. Поэтому насколько необходима нетерпимость в богословской сфере, настолько нужна терпимость в сфере гражданской.

В своем рассуждении Семашко традиционно обращается к текстам Священного Писания, примерам церковной истории, суждениям святых отцов (впрочем, не особо многочисленным), ссылается на доводы разума. Обосновывая свои доказательства, он не уклоняется и от рассмотрения возражений, например, из текстов библейских. Так, он не считает применимой практику уничтожения язычников из Ветхого Завета, которая была оправданной только для своего времени. Однако нельзя сказать, что все аргументы защиты продуманы им полностью. В частности, на возражение о необходимости защищать чистоту истинной веры от посягательства еретиков он отвечает новозаветными ссылками на кротость и терпеливость увещевания со стороны христиан, что обязанность проповеди и защиты паствы вверена духовным лицам, а не гражданским властям. Однако понятно, что в апостольские времена не было христианских властей, позднее же они появились, и после церковного осуждения ереси в компетенцию гражданских лиц входило наказание еретиков уже не средствами словесного убеждения, а правовыми ограничениями и даже наказаниями. Сам Семашко замечает это в примечании, но не объясняет, почему пастыри Церкви передали полномочия карать осужденных Соборами светским судьям. Как, в связи с этим, провести границу между законными и необходимыми мерами по защите истинной веры и допустимыми правилами веротерпимости? На этот вопрос автор не дает определенного ответа.

При оценке оригинальности диссертации о веротерпимости следует учесть, что Иосиф Семашко далеко не первый обратился к рассмотрению проблемы веротерпимости в стенах Главной семинарии. Известно, что профессор богословия о. Андрей Клонгевич

на годичном акте Виленского университета в 1815 г. выступал с рефератом «О гражданской веротерпимости»³. Хотя Иосиф Семашко поступил в семинарию только в следующем году, он мог познакомиться с мыслями Клонгевича по этому предмету из его курса догматического богословия и церковной истории.

Магистерская диссертация Семашко была написана по нравственному богословию под руководством профессора о. Иоанна Ходани⁴ и посвящена такому предмету как христианская забота о временных благах (*DissertatiodeChristianacurabonorumtemporalium*). По результатам магистерского экзамена, на котором соискатель показал отличные результаты обучения, 6 июля 1820 г. ему была присвоена соответствующая богословская степень⁵.

Как и предыдущая диссертация, это сочинение написано в форме рассуждения с пояснениями и аргументами за и против. Особенностью трактата является опора не только на учение Священного Писания, но и на доводы «здравого разума» (ссылки на первое встречаются в тексте девять раз, а ссылки на второй шесть раз). Диссертация не нагружена специальной терминологией, например, единожды встречается такой философский термин как «*adiaphora*», обозначающий у стоиков нейтральные для достижения счастья заботы и увлечения. Автор иллюстративно (выборочно) ссылается на тексты из Священного Писания, не приводит их с возможной количественной полнотой и не проясняет их святоотеческими толкованиями. Между тем, вопросу о христианском отношении к богатству и земным почестям посвящены огромное число трудов святых отцов и церковных учителей. В данном случае Иосиф Семашко выступает не как истолкователь церковного учения, а как христианский философ, апеллирующий к разуму, практическому опыту и самонаблюдению.

Поставив в начале своего рассуждения вопрос о том, разрешена ли христианам забота о временных приобретениях и какой ей следует быть, автор приходит к утвердительному заключению, что таковое попечение не только не противно учению веры, но и прямо заповедуется в том смысле, чтобы совершенствоваться в

³ Жукович П. Н. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – № 5–6. – С. 561.

⁴ Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашко / Г. Я. Киприанович. – Вильна, 1997. – С. 14.

⁵ Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1883. – Т. 1. – С. 450.

добродетели, ограничиваться умеренностью и достигаться только законными способами. В ходе своего рассмотрения Иосиф Семашко обращает внимание на свойственное всем людям желание иметь о себе хорошее мнение у других, что часто побуждает их совершать добрые дела (при этом автор обходит проблему тщеславия), таким образом, добродетельный человек становится как бы заложником уважения окружающих. В Священном Писании христиане призываются стать светильниками добра, светить всем, и Апостолы хвалились доброй честью. Осуждение же богатых в Евангелии обусловлено не их состоянием, а пристрастием к стяжательству, пренебрежением добродетели. И наоборот, состоятельность открывает много возможностей делать добрые дела. Бедность же не является достоинством, но содержит в себе аналогичные стяжательству пороки и пристрастия. Мир был создан Творцом для благополучия человека, для упражнения в трудолюбии и активной деятельности. Своей предприимчивостью и энергией человек приобретает блага, но следует избегать при этом служения своим страстям, что осуждается христианской нравственностью. Здесь автор, как и в случае с почестями, должен был бы последовательно заметить, что приобретение благ как раз стимулируется желанием потратить их на прихоти. Обходится вниманием пример евангельского юноши, которому Христос предложил раздать земное богатство ради сокровища небесного, и практика апостольской общины, где никто ничего не называл своим, но многие отдавали свое имущество на общие нужды (Мф. 19:21; Деян. 2:45). Конечно, приобретение земных благ с целью их последующей добродетельной раздачи и получения за это земных похвал и почестей может послужить мотивом с точки зрения философа, но с позиции христианской аскетики опасность кроется и в земных почестях, и в заботах о внешнем благополучии. Заметим, что Иосиф Семашко вообще обходит тему монашеского смирения и нестяжательства. Безусловно, автор прав в том, что в Священном Писании порицается не земное богатство и слава сами по себе, но предупреждается их пагубное влияние на душу человека. Слишком тонкой бывает та грань, на которой кончается достаточная забота о хлебе насущном и начинается многозаботливость о том, что есть и во что одеться. В философских рассуждениях Семашко чувствуется рационалистическое влияние западного богословия, которому не достает сердечной глубины христианского Востока. Не в том ли кроется причина последующих

внутренних исканий автора, что он не обрел в католичестве способов разрешения духовных вопросов, которые затем нашли свой ответ в православной традиции? Во всяком случае, вдумчивость молодого униатского клирика, постигающего вершины католического учения, нашла свое отражение в его семинарских сочинениях, а пылливость ума есть отличительная черта внутренних поисков.

Таким образом, поднятые в студенческих диссертациях Семашко дискуссионные темы сохраняют свою актуальность и, думается, привлекут к себе вдумчивое внимание современного читателя, чему поспособствует предлагаемый ниже их перевод.

Литература

Жукович, П. Н. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – № 5–6. – С. 556–595.

Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1883. – Т. 1. – 757 с.

Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашко / Г. Я. Киприанович. – Вильна, 1997. – 614 с.

О веротерпимости

Одна только христианская вера установлена Богом, чтобы, уповая на нее, люди наслаждались вечным блаженством; она одна только заповедана: и одна делает того, кто ее исповедует, любезным Богу. Поэтому наша вера является наивысшим благом, какое только могут иметь люди. Тогда встает вопрос: оказывать ли терпимость язычникам и отпавшим от Кафолической веры, которые теперь уже населили все страны?

При ответе на этот вопрос, необходимо различать терпимость в религии, или богословии, и терпимость гражданскую: в правилах общения нашего с отпавшими – сравните с обозначенным делением терпимости – следует запечатлеть в памяти первейшую заповедь христианской веры: «Возлюби Господа Бога твоего от всего сердца твоего и ближнего твоего как самого себя» (Мк. 12:30).

Рассмотрим же два этих вида терпимости по отдельности и увидим, разрешены ли они или нет: рассмотрим, как они могут быть связаны с важнейшей заповедью, Богом возвешенной. Религиозная терпимость основывается на том, что мы признаем все или, по крайней мере, некоторые веры одинаково позволенными, полезными и спасительными для людей. Словом, установить терпимость такого рода, было бы то же самое, что накинуть петлю безразличию и думать, что религия была учреждена для укрощения страстей и человеческого вожделения (уже эта цель сделала бы ее достойной уважения), чтобы обществам стать счастливыми в настоящей жизни, исключая иные цели, кроме предопределенной Богом.

Определим, допускает ли любовь к Богу и ближнему установить такую терпимость.

Любовь к Богу обязывает нас любить и сохранять Его заповеди, защищать Его достоинство, чтобы еретики не препятствовали распространять и возвышать Его религию. Возможно ли думать, будто все веры в равной степени (или, что то же, полагать, что ни одна из них) не сохраняют заповеди от Бога переданной религии, чтобы тем самым Бога любить? – Это как считать равно животворящим приношение идолам жертве Нового Завета Телом и Кровью Христовой, как устраивать нелепейшую и постыднейшую вакханалию у какого-нибудь человека и равно посвящать дни памяти наисвятейших и спасительнейших таинств веры, открытой нам от Бога. Человека, который придерживался бы такого взгляда, малейшие поводы, малейшие выгоды легко приводят к отвержению Бога и сопротивлению Его святым заповедям. Однако наша вера не повелевает нам так самими собой распоряжаться. Согласно ее учению, христиане обязаны не только хранить в своих сердцах божественные заповеди, но также при каждом случае другим их возвещать, как единственные истины, Богом данные и совершенно необходимые для временного и вечного благополучия, потому говорит Апостол (Рим. 10:10): *«Сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению»*. Никакое преследование или несчастье, даже сама смерть, не должна отклонить истинного христианина от исповедуемой им веры. *«Ибо кто, – говорит Христос (Лк. 9:26), – постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей»*. Обдумаем же примеры, содержащиеся в Ветхом Завете, к нашему предмету относящиеся (которые могут быть лишь приведены перечнем): Иов,

пораженный величайшими несчастьями, разве умалил как-нибудь славу Его? Три юноши, посланные Навуходоносором в печь, разве склонили колена в идолопочитании, повиновались ли наисильнейшему Царю Вселенной в совершении проступка, который извратил бы истинное богочитание? Даниил, брошенный ко львам, не испугался ни Навуходоносора, ни богов, которых презирал, надежду полагая на Всемогущего Бога. Знал этот святой муж, насколько велико нечестие – умаление славы Божией. Вот, что есть истинная любовь к Богу – ничего не делать противное заповедям Божиим, и это научает нас, как наш дух должен отвращаться от веротерпимости. Заповеди нашей веры, которые в Священном Писании содержатся, являются совершеннейшими, не подлежащими никакому исправлению, так как они переданы Богом. Переменчивость присуща только людям, и они меняются почти каждый день; но заповеди, Богом установленные, всегда были одни и те же, они есть, и они пребудут неизменными до конца мира, по обетованию Христову. Что же тогда думать о тех, которые как бы приписывают себе проницательность, превосходящую бесконечную и вечную премудрость – они присваивают себе власть исказить Божественные предсказания или истолковывать их как угодно по своему удовольствию, и тем самым они прельщают людей. Разве должны мы объявить эти мнения хорошими, более того, столь же полезными, как и спасительные учения Евангелия, открытые нам Христом? Кто заповедует нам такую терпимость? Священное ли Писание, которому мы должны следовать во всех своих действиях? – Ни в коем случае. Должны мы удерживать в памяти наставление апостола, который (в Послании к Галатам) учил, чтобы даже от самого Ангела с неба не принимали мы другого учения (кроме того, которое нам было передано). Это есть то самое учение, за истину которого претерпело мучения бесчисленное число христиан ранней Церкви, перенося самые жестокие пытки и проливая кровь: именно любовь к Богу соделала это, потому что они предпочли потерять свою жизнь, чем каким-либо действием вызвать сомнение у народов, в неуклонном постоянстве своего исповедания Веры христианской. Какой смысл далее доказывать, может ли религиозная терпимость к диссидентам иметь место среди христиан? – Давайте рассмотрим только примеры Апостолов и первых христиан, из чего поймем, насколько мы должны быть чужды религиозной терпимости: и если они пролили свою кровь ради веры, то мы, конечно (если любовь к

Богу еще пылает в наших сердцах), обязаны охранять ее таинства от развращения злых человек и учить тому других, насколько это в нашей власти, о чем Иисус также напоминает нам (Мф. 7:15), говоря: *«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные».*

Мы уже видели, как много разногласий имеются между собой любовь к Богу и религиозная терпимость; ибо тот, кто не соблюдает божественных заповедей, не может их любить: теперь задумаемся, может ли веротерпимость быть совместима с заповеданной нам Богом любовью к ближнему.

Ошибки не только простых людей, но и древних философов в исследовании первопричины всех вещей показывают, что человеческий разум слаб. Все люди развращены величайшей тьмой идолопоклонства; до сих пор вера христианская не просветила их своим светом. Что же тогда мешало вспомнить о тех же или еще худших язвах нечестия, если бы члены секты считались равнозначными по важности с религией христианской, тогда каждый создал бы себе веру, приспособленную к человеческому удовольствию (чему у нас есть много примеров), за ним следовали бы люди, наделенные слабым разумом и ограниченные страстями. Однако любовь к ближнему повелевает нам любить не только друзей, но и врагов: так христиане научены истиной веры, в частности пастыри, – они должны поддержать немощного христианина и привести его к предначертанной цели, то есть к вечному блаженству, чего нельзя сделать иначе, как просвещая истинной верой и опровергая любые другие секты: ибо чаще всего люди менее образованные довольствуются суждениями людей, наделенных добродетелью и знаниями. Язычник или еретик, получив образование и богопротивную религию своих родителей, умирая и осознавая, что ждет его в будущей жизни, к кому бы еще мог обратиться со своими превратными представлениями, кроме тех, кто его заразил или ввел в заблуждение?

Отсюда видно, как пагубна религиозная терпимость: она похищает у людей высшее благо, вечное блаженство. Поэтому она не может согласиться с любовью к ближнему, которая требует, чтобы мы помогли каждому в достижении счастья, почему веротерпимости следует избегать. Более того, религиозная толерантность также вредна для временного блага человеческого общества; ибо она, приводя людей к равнодушию, делает их атеистами, а насколько пагубна чума атеизма для общественных дел, очевидно каждому.

Мы уже видели, насколько религиозная терпимость противоречит любви Божией и губительна для всего человеческого рода: теперь нам надлежит увидеть, необходима ли гражданская терпимость и в чем она заключается. Гражданская толерантность состоит в том, что отделившиеся от нашей веры не только от нас с ненавистью не преследуются, но, кроме того, и тот долг милосердия, который по отношению к каждому ближнему мы обязаны отдавать, воздается и им. Отсюда легко понять: насколько религиозная толерантность по отношению к инакомыслящим противозаконна и недопустима, настолько она рекомендуется в гражданском понимании и необходима для временного и вечного счастья.

Христос заповедует нам сохранять эту терпимость почти на каждой странице открытого нам Им учения, одновременно указывая любовь к ближнему, даже к врагу: *«Любите, – говорит Он (Мф. 5:44), – врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас»*. Есть правило, которому мы должны следовать в разговоре с несогласными и которое христиане ранней Церкви сохраняли очень тщательно. Никто не осмелился обвинить христиан в каком-либо вредном для человечества деянии: никто не показал, что христиане восстают против постановлений верховной, пусть даже и языческой, власти; они предпочли лучше умереть, чем согрешить против божественных заповедей. Христос просил Апостолов, чтобы они следили за своим гневом на неверных самаритян, говоря (Лк. 11:55): *«Не знаете, какого вы духа; ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать»*. Помимо этого, есть и другие почти бесчисленные примеры, в которых Христос проявляет Свою доброту к людям всех религий, и тем самым повелевает нам вести себя с ними так же. Наконец, задумаемся, не скажет ли нам сам разум то же самое, что Христос (Мф. 7:12) заповедует: *«Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними»*. Для христиан, живущих среди турок, персов или других народов иной религии, чего еще требовать, как не того, чтобы они проводили свою жизнь в безопасности и свободно пользовались плодами своего труда и промыслов, даже если они исповедуют свою религию наедине – почему же мы не должны позволить нашим ближним делать то же самое? Власть, равно гражданская и церковная, должна использовать все средства, чтобы помешать развитию любой секты, особенно при ее зарождении. Но когда

она широко распространена и ее приверженцы не делают ничего вредного человеческому обществу, тогда было бы большим преступлением преследовать их. Тогда гражданская власть должна относиться к ним наравне с другими подданными согласно заповедям христианской веры: на церковного человека возлагается забота о них самыми добрыми средствами и примерами, достойными христианина, привести их к истинной вере и искоренить прежние заблуждения. Наконец, необходимо принять во внимание и слабость человеческого разума; которая затрудняет познание истины, ведь без Божественной помощи, мы не приходим к ней. Рассмотрим же сами себя. Если бы мы были воспитаны родителями-еретиками и учителями ложной веры, разве мы не стали бы упорно защищать ее? Неужели мы не считали бы ее лучшей? Поэтому, возблагодарив Бога за то, что Он позволил нам родиться в религии христианской, будем учитывать, что есть небольшая часть еретиков, явно виновных в грехе, и мы не должны презирать их, но давать им добрые советы о Боге. Еретики, приверженные заблуждению, не осознают этого, считают себя верными, а не предателями веры, как хорошо говорит Сальвиан («Об управлении Божиим, или Провидении»): «Еретики есть среди нас, но не между собой. Ибо они считают себя правоверными до такой степени, что поносят нас, называя еретиками. То, что они для нас, мы для них. Истина с нами, но и они полагают, то же самое. Поэтому хотя они и заблуждаются, но заблуждаются с добрым сердцем, не с ненавистью, но с любовью к Богу, будучи убеждены, что чтут и любят Господа». Кто же тогда захотел бы вынудить еретиков отвергнуть свое заблуждение? Они скорее предпочтут стяжать жизнь, чем отвергнуть; ибо они считают свою религию превосходнейшей и угодной Богу. В чем же тогда их вина? Разве в слепоте, которая возникает из-за слабости человеческой природы и которую можно устранить с божественной помощью и заботой христиан. Наконец, какой смысл в насильственном отращении еретиков от их заблуждения: какими бы они были христианами? Как тогда обратились бы первые ученики Христа? Конечно, они были бы лицемерами, а не истинными христианами, притворяясь верными, и внутренне склоняясь к старой религии, они возвратились бы к ней при малейшей возможности. В чем же тогда заслуга перед Богом от такого обращения? Поэтому в нашем рассуждении о гражданской толерантности необходимо следовать призыву самого Христа, повелевающего нам любить ближних.

Возможно, кто-то скажет: если преследование инакомыслящих в религии христианской недопустимо, то почему Бог повелевает евреям, войдя в Святую Землю, искоренить все народы, населявшие ее? Причины этому, представляется, следующие: 1. Бог хотел отдать землю, которую обещал Аврааму, его потомкам; 2. Он хотел, евреев, грубый и развращенный народ (как учит история, содержащаяся в Священном Писании), что угодил Ему исключительно из-за веры своих предков, отвести от идолопоклонства жестоким наказанием язычников; 3. Бог хотел привести даже язычников, ослепленных самыми гнусными преступлениями, к познанию Своего всемогущества, чего Он не показал бы иначе, как посредством физической силы, ибо и они не боялись иного и не думали, что существует что-либо, кроме физической силы; 4. наконец, Закон Ветхого Завета был приспособлен к людям своей эпохи, изуродованным преступлениями. Тогда нужно было наказывать людей в этой жизни, чтобы сохранить среди народов бесконечную идею истины Божией; которая подготовила бы их к легкому принятию благ, предлагаемых людям Спасителем. Таким образом, закон Ветхого Завета был приспособлен к людям, виновным как в грехах своих прародителей, так и в своих собственных грехах. Но пока наступит время, желанное всеми, когда Бог изольет Свои блага на людей всего мира через Сына Своего, нам данного, когда Он назначит вечные наказания или вечные награды людям за их преступления или добродетели, пока закон рабства уступит закону благодати, как говорит святой Павел (Рим. 6:14) *«ибо вы не под законом, но под благодатью»*, Бог не требует, чтобы проливалась кровь для распространения познания Его; Он показывает другие способы, с помощью которых неверующие могут прийти к истинной религии. Итак, для возражений такого рода нет места, поскольку они относятся только к евреям; ибо, как говорит Апостол, *«конец закона – Христос»* (Рим. 10:4). Так что состояние людей, изуродованных преступлениями тогда, нельзя сравнивать с состоянием людей сегодня, находящихся под законом Евангелия, – следовательно, необходима гражданская терпимость.

Но чтобы никто не мог противоречить этой истине, обратимся к примерам прошлых веков, которые в большом изобилии открываются в истории. Вместо ответа на подобное возражение; посмотрим, к каким последствиям привело жестокое преследование несогласных, какая выгода или недостаток из этого вытекал.

Что касается выгоды, ее, вероятно, не было: ибо нельзя доказать, что число христиан увеличилось от преследования несогласных. Но мы видим большие недостатки, которые они причинили, как в отношении религии, так и в отношении политического состояния человеческого общества. Мария (королева Англии – примеч. переводчика), например, чего добилась своим насилием в Англии из-за религии, разве что не приблизила ее к падению? Елизавета (королева Англии – примеч. переводчика) непременно вернулась бы к вере уже в начале ее ухода из Церкви, если бы к ней относились с апостольской добротой. В этом смысле англичане когда-то были примером христиан, чьи лидеры заслужили прославленное имя защитников религии, и они стали предателями той же самой веры. Перейдем к французам: столько лет они вели между собой войны из-за религии, какая польза ей отсюда? Никакой. – Какой эффект? Сто тысяч диссидентов были убиты в один день, и человеческая кровь, пролитая по всей Франции, – вот плоды этого преследования. Разве диссиденты успокоились этим поражением? Нет, они направили всю свою энергию на то, чтобы заставить своих противников дать им мир и свободу исповедовать свою религию. Вся Германия была залита кровью тех, кто ее населял и боролся за дело веры. Короче говоря, вся Европа в эти времена пережила самые жестокие события религиозных войн. Тогда бы мученики могли открыться (почитаемые за таковых собственным народом) среди несогласных, благодаря кому? Тем, кто постоянством в гонениях, призывая помощь Божию, распространял веру. Разве таким образом Иисус повелевает Своим почитателям вести себя с ближними? Можно было бы добавить бесчисленное множество примеров из истории, из которых легко заключить, что гражданская толерантность очень полезна и обязательно нуждается в сохранении, и наоборот, нетерпимость низводит людей до диких зверей, является вредителем человеческого общества и всячески противостоит заповеданной Богом любви к ближнему⁶.

⁶ Могут еще возразить: наказания смертной казнью или сожжением выносились еретикам Вселенскими соборами, ибо авторитет оных принадлежит как бы самому Христу, и приговоры непогрешимы. На это ответим кратко: что такого рода еретики, подлежащие суду Соборов, подвергались смертной казни не за заблуждения против учений религии, а за гражданские преступления, которые они чаще всего добавляли к своим нечестивым учениям. И тогда отцы, совлекши с себя свою должность, с разрешения гражданской власти, стали судьями гражданской, а не церковной власти.

Но спросит кто-либо: если гражданская толерантность должна быть сохранена по отношению к диссидентам, как можно сохранить религию неиспорченной? Но тогда необходимо задуматься: как же Апостолы среди неверных народов, едва имеющих представление о Боге, так быстро и широко сеяли свет евангельского учения? Можно ли было достичь этого физическим принуждением или преследованием народов? Действительно, Бог поручил проповедь Своего учения и сохранение его не князьям, а священникам; Он оставил не оружие, а смирение, которым повелевает, говоря (Мф. 2:29): *«Научитесь у меня, ибо я кроток и смирен сердцем»*. Священники должны охранять свою паству от всех духовных опасностей, имея в виду наставление, данное святым Павлом своему ученику Тимофею: *«Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием»* (2 Тим. 4:2). Они обязаны добрым примером вести христиан к спасительным делам: ибо, как говорит св. Златоуст, «добрые дела убедительнее чудес». Искореня пороки, священники должны вести себя скорее с добротой, чем со строгостью, вспоминая слова св. Августина «они устраняются скорее обучением, чем приказанием; предупреждением, а не угрозой» (Письмо 64). Тогда каждый христианин должен запечатлеть в своей памяти первое правило апостола Матфея: если христианин не обратит своего ближнего в христианскую веру добрыми делами, он будет признан виновным. Так что есть иные средства, которые не требуют отмены гражданской толерантности.

Теперь мы знаем, в чем состоит как религиозная, так и гражданская терпимость: мы знаем, что одна наиболее разрушительна, а другая наиболее полезна: поэтому мы должны вести себя согласно Божественным заповедям. Защищать честь Бога и веру, переданную нам, не оружием, а христианскими добродетелями. С другой стороны, мы должны сохранить свободу, данную всем людям Богом: ибо от этого зависит христианская добродетель. Мы должны почитать всех людей братьями, следовательно, должны позаботиться об их временном и вечном счастье. Из всего этого можно сделать вывод, что любовь к Богу и ближнему должна быть основой общения с людьми. Наконец, каждый христианин должен помнить слова святого Августина об обращении с язычниками и грешниками: христианин есть враг проступков, но друг самого человека.

Диссертация о христианской заботе о временных благах

На получение степени магистра богословия 23 июня 1820 года.

«Будем пользоваться ими, но не будем хвалиться (земными благами): будем пользоваться ими бережливо, словно достоянием, которое нужно вернуть»

Сенека. Письма к Луцилию. 74.

Разрешена ли христианская забота о временных благах и какой она должна быть?

Никто не будет отрицать, что человек, наделенный чувственной природой, помимо добродетели, предназначен еще и для счастья. Кто бы об этом не думал: и враги справедливости не меньше, чем благ Премудрого Создателя, усваивают нам такое сильное влечение к счастью, даже если бы оно при этом не принесло бы никакой другой пользы, кроме непрерывных и самых мучительных пыток. Но когда мы испытаем, что по испорченности человеческой природы ни один смертный в этой жизни не свободен от всякого зла, а потому не способен наслаждаться истинным счастьем – Милосердный Бог в конце земного пути обещал нам Своим откровением вечное и абсолютное счастье. Из этого, однако, не следует, что человек не должен искать счастья, по крайней мере такого, которое возможно в этом мире. Ибо, как показывает опыт, у нас есть много переживаний здесь и сейчас, приятных уму и чувствам и не противоречащих ни разуму, ни религии. Но что есть временное счастье, где его искать и как достичь – рассмотреть это не менее необходимо и полезно каждому. Приведем здесь мнения философов и богословов, которые странным образом расходятся во мнениях по этому вопросу; но еще лучше обратимся к здравому смыслу, следованию которого мы, по божественной воле, подчиняемся. Разум, подкрепленный здравым рассуждением, учит нас, что даже земные блага имеют немалое влияние на наше временное счастье. С земными благами приходят почести и возможности, здравый разум требует заботиться о них, правда, не как о конечной цели, а как о второстепенной, уступающей добродетели. Мы же, христиане, обязаны сообразовать свою жизнь не менее с принципами разума, чем с заповедями религии. Надо поэтому рассмотреть, разрешена ли забота о земных благах человеку-христианину, не противоречит ли она заповедям Христовым, изложенным в Священном Писании; и,

если это допустимо, необходимо исследовать, какая должна быть эта забота о земном, чтобы она соответствовала нашему достоинству, как природному, так и сверхъестественному. Об этом мы еще поговорим, но, чтобы в трактате не было путаницы, о христианской заботе о почести и богатстве или возможностях мы поговорим в особых артикулах.

Забота о почести

Под именем чести подразумевается хорошая оценка от других, что есть не что иное, как справедливое и благосклонное суждение других людей о нашем превосходстве, достоинстве и совершенстве. Опыт всех веков учит нас, что это уважение, эта честь ни для кого не является безразличной. Нет ничего столь трудного, ничего столь горького, ничего столь драгоценного, что люди не смогли бы вынести или пожертвовать ради своего доброго имени. Было немало тех, кто предпочел потерять жизнь, а не честь. Как в язычестве, так и в христианстве люди всегда были жадными и ревностными к своей чести. Итак, существует некий естественный стимул, заложенный в нас Богом и, следовательно, достойный уважения, благодаря которому мы вынуждены заботиться об оценке со стороны других людей.

Скорее покажем, что эта забота о собственной чести, к которой нас так сильно побуждает само естество, не только не противоречит принципам разума и религии, но, скорее, соответствует тому, что ими предписано.

Не станем пренебрегать тем, что разум заповедует не меньше, чем религия, что для нашего блага или для возвеличения других предназначено, что годится для преуспевания нашей добродетели или добродетели других. Действительно, уважение, которым мы пользуемся среди других людей, и это легко доказать, может быть полезно различными, более того, бесчисленными способами не только для нашего собственного блага и добродетели, но и для блага и добродетели наших ближних. Ибо ничто важное не может быть совершенно кем-либо без помощи других, но для того, чтобы получить эту поддержку, самое полезное, как учит нас опыт, – это добрая о нас слава, благодаря которой все те, кто убежден в честности нашей жизни и того, как мы поступаем, дают свое согласие на наши слова и дела, а их усилия дополняют наше старание. Разве

человек, имеющий репутацию доброго среди других, не сделает добро и себе, и ближним? Можно принять во внимание, сколько есть осад от врагов в бедствиях и в последующей нужде, сколько забот в семейных делах, в обеспечении себя и своих нужд, сколько разногласий и споров между семьями, друзьями и другими людьми, которые нужно успокоить, сколько нужно помогать бедным, утешить несчастного, воздать справедливость несправедно угнетенным – какими различными способами может человек, пользующийся уважением, достичь собственного блага, своих ближних и, наконец, всего человеческого общества! Но мы не должны ссылаться только на оценки других. Стремление к справедливому мнению и доброй славе является началом и высшей опорой добродетели. Ничто так сильно не побуждает к добру и не удаляет от зла как стоящая перед глазами почесть и слава тех, кто украшал себя всякого рода добродетелями, и презрение и отвращение к злым людям. Поэтому, когда всякое действие завершено, мы судим о нем согласно здравому смыслу, спрашивая себя: что люди скажут по этому поводу? И наоборот, кто пренебрегает своей честью и славой, открывает врата любым порокам, тогда он очень легко приходит ко всем злым делам и ужасным преступлениям; почему верно сказано: Горе тому человеку, который уже потерял всякий смысл (дело чести). К тому же нет иного учения, содержащегося в священных письменах христианской веры. Ибо там нам заповедано: помышлять о всякой почести (Флп. 4:8); доставлять блага не только пред Богом, но и перед всеми людьми (Рим. 12:17; 2 Кор. 8:21); иметь доброе свидетельство от тех, кто у ворот (1 Тим. 3:7); подавать пример добрых дел, чтобы противникам не доводилось говорить о нас ничего худого (Тит. 2:7); наконец, просветиться перед людьми, чтобы они видели наши добрые дела (Мф. 5:16). Для тех же, кто хочет чего-то иного, – разве добрыми делами мы не сравниваемся с ними в уважении и не окажемся для них добрым примером? Сам Христос ни разу не потерпел ущерба в Своей доброй славе; при каждом удобном случае Он не менее старался опровергнуть всей силой доводов как нелепые мнения, так и врагов Своей чести. Он без всякого колебания опроверг клевету фарисеев и саддукеев (Мф. 12:25, Лк. 11:17, Ин. 8:14, 49). Как в этом, так и в другом Апостолы были верными подражателями примеру своего Учителя. Ибо они не только энергично защищали свою честь и честь Его, но и если надеялись получить от этого какую-то пользу, то совершали свои добрые дела и

затем хвалили их. Примером может служить св. Павел, чье самое известное высказывание по этому поводу в 1 Кор. 9:15: «Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою».

Итак, если приобретение почестей выгодно и нам, и другим и служит прибавлением к нашему богатству, оно было освящено выразительными словами заповедей Священного Писания и примером Христа и Апостолов, как говорит само Священное Писание: «Доброе имя лучше большого богатства, и долготерпение – жизнь дней» (Притчи 22:1; Сир. 41:16), то необходимо исполнять обязательства любви к себе, к ближним и к заповедям Божиим; давайте же со всем усердием позаботимся о том, чтобы добиться уважения других и сохранить его.

Возражения против нашей трактовки из Священного Писания, не имеют значения, ибо ослабляются силой аргументов. Так, слова Христа (Ин. 5:44): «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?» – не исключают заботы о собственной чести, но обозначают ее так, чтобы не превратить в конечную цель. Поэтому они не осуждают тех, кто, исполняя добродетели, ищет также и уважения других; но осуждают тех, которые пренебрегают делать то, что угодно Богу, заботящихся, чтобы добиться славы среди людей, даже несправедливыми средствами. Когда Христос (Мф. 23:5) спорил с фарисеями, что они совершают все свои дела для того, чтобы их видели люди... что они любят первые лежания на пиршествах, лучшие места в синагогах, приветствия на рыночной площади и то, что люди называют их раввинами, то этими словами преследуются их гордыня и тщеславие, которым они одни предались, но совершенно пренебрегли обязанностями, которые имели перед Богом и добродетелью. Нет ничего предосудительного и в том, что Христос упрекал Своих учеников, когда они боролись за первенство, говоря (Лк. 22:25–26): «Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший», ибо это связывает их гордыню и закрывает путь к ней, прививает им любовь к смирению, которая заповедана каждому христианину; это было необходимо Апостолам, как и тем, которым среди стольких гонений было вверено служение проповедовать слово Божие. Но какая необходимость продолжать и оправдываться от возражений, о которых мы имеем столько свидетельств в Священном Писании? Итак, достаточно сказать в

целом: осуждать в Священном Писании чрезмерную заботу о чести – не согласно разуму и нашему естественному и сверхъестественному достоинству.

Раз мы доказали, что забота о чести и самоуважении не только допустима, но и входит в наши обязанности: так ли уж она необходима, какой она должна быть, чтобы соответствовать достоинству человека-христианина?

Без сомнения, мы обязаны сохранять умеренность в заботе обо всем, что относится к нашему благополучию, чтобы это стремление не вышло за рамки приличия; ибо состояние естественных желаний таково, что подвержено слепому побуждению, если только не управляется строгим правилом разума. Поэтому, во-первых, христианским заботам о чести предписана умеренность. Это так и будет, если не сделается конечной целью, к которой единственно должны мы стремиться, о чем давайте стараться. Ибо для человека, так как он предназначен для высшего, не в том заключается достоинство. Поэтому мы должны быть осторожны, чтобы уравновесить заботу о чести с суждениями здравого разума и не допустить, чтобы она превратилась в гордыню и другие пороки, противоположные скромности и смирению.

Если мы используем только законные и честные средства для приобретения чести, это нам разрешено. Но единственное и самое достойное средство достижения этой цели – добродетель. Заслужить уважение другим способом и насладиться им, я думаю, не дано ни одному смертному; ибо придется изменить природу людей, которая непреодолимо тянет их доказывать и уважать добродетель и честность.

Наконец, добиваясь чести, мы должны стремиться к благой цели. Опыт учит нас, что наша слава и оценка могут принести пользу нам и другим во многих отношениях с целью способствовать нашему спасению и спасению других, как временному, так и вечному. Не только разрешено, но и обязанность каждого человека добиваться чести и доброго имени среди людей.

Эти три вещи, следовательно, необходимо иметь в виду, сравнивая себя с уважением других, и это составляет истинную и правильную христианскую заботу о чести.

Забота о средствах

Ко временным преходящим благам, относятся также удача или способности, которые включают все те внешние предметы, что нужны для пропитания, деятельности, жизни, удовлетворения потребностей, удобства или великолепия. Также легко удостовериться, что внешний вид не следует причислять к духовно безразличным для любого человека вещам, но его необходимо беречь и сохранять.

Человек, состоящий из души и тела, имеет различные физические потребности, не удовлетворив которые, он не смог бы установить теснейшую связь между душой и телом. Итак, заповедь, согласно которой мы обязаны сохранять жизнь и заботиться о теле, обязывает нас также заботиться об имуществе, ибо без этого мы ничего не можем достигнуть.

Кроме самосохранения у нас есть и другие, не менее важные обязанности. Здравый смысл учит, чтобы способствовать благополучию, каждому человеку нужно укреплять силу тела, возвышать способности ума до максимально возможной степени совершенства. Действительно, нельзя отрицать, что на приумножение нашего благополучия в этой жизни, большое влияние указывают блага судьбы. Ибо с их помощью мы можем приобрести все необходимое для жизни, избежать большинства бедствий, защититься от вреда, приобрести пользу, позаботиться о здоровье и тем самым сохранить силы, пользуясь невинными развлечениями. Мы можем радоваться многому другому, что хотя и не составляет всего счастья, но тем не менее немало ему способствует. Но что еще? Поставим себя в те обстоятельства, в которых находятся бедняки, – рассмотрение их страданий, несомненно, убедит нас в истинности сказанного.

Даже обязанность совершенствовать духовные способности не может быть выполнена без материальных средств. Ибо кто не знает, сколько затрат требует просвещение и украшение разума, сколько стоят книги, плата преподавателям и на содержание во время, посвященное учебе!

В связи с этим богатство дает нам возможность совершать бесчисленные добрые дела. С его помощью мы помогаем несчастным, утоляем нужду бедствующих, приносим пользу как частному, так и общественному благу; и вообще, нам легче удовлетворить все те добродетели, совершителям которых обещано вечное блаженство: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте

Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня» (Мф. 25:34-35). Итак, богатые своими возможностями, по словам св. Павла (1 Тим. 6:19), могут положить себе доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни.

Но для чего Всемогущий Творец дал человеку власть над рыбами морскими, птицами небесными и всем, что движется по земле (Вт. 1:28); для чего поставил его над делами рук Своих и все положил под ноги его (Пс. 8:6); если бы ему не позволялось пользоваться земными благами? С какой же целью Он создал в этом видимом мире столь разнообразные и бесчисленные существа, пригодные не только для удовлетворения естественных потребностей, но и для утешения чувств, если бы было запрещено наслаждаться ими? Разве Бог совершил все это ради непрерывных пыток и борьбы с тем естественным желанием, которое Он нам дал для ощущения полной нищеты Его созданий? Думать так о праведном и наивысшем Создателе – безумие. Наконец, что бы это был за удел, чем был бы род человеческий в мире, если бы никому не было позволено заниматься заботой о земных благах! Мы бы не увидели никакого трудолюбия, деятельности, культуры среди людей; вся природа казалась бы дикой и полной ужасных пустынь, скорее обиталищем хищников, чем существ, наделенных разумом и воображением. Итак, принимая во внимание выгоды, которые мы получаем от богатства и удачи, что они имеют величайшее влияние на счастье этой жизни, что богатым легче выполнять государственные и религиозные обязанности и тем быстрее они могут совершать добродетельные поступки, что бедняки более готовы на любые пороки, даже преступления, и наконец, все, что находится в этом мире, предназначено для нашего употребления по прямому приказанию Творца, по Священному Писанию, что нас учит (каждый да отбросит без всякого колебания, ибо это высшая неблагодарность – не пользоваться божественной милостью), что забота о земном не только законна, но и должна причисляться к нашим обязанностям.

Хотя приведенные нами доводы для обоснования такого понимания благ достаточно сильны, нет недостатка в тех, кто, с возражениями, следующими как из Священного Писания, так и из житейской практики, пытался опровергнуть его. Что касается слов Божественного кодекса, которые, кажется, запрещают заботиться о благах, надлежит принять во внимание, что они или осуждают

неумеренную тягу к богатству, нарушающую спокойствие ума и препятствующую исполнению высших обязанностей, или указывают опасности пороков, которые обычно сопровождают такое пристрастие, или, наконец, содержат только частные увещания и предписания, приспособленные к особым обстоятельствам и лицам. Итак, когда Христос сказал: «Никто не может служить двум господам... Богу и маммоне» (Мф. 6:24) или: «Не собирайте себе сокровищ на земле... но собирайте себе сокровища на небесах...» (Матф. 6:19), тем самым Он стеснил чрезмерную любовь к богатству и безумие тех, кто ради него пренебрегает исполнением дел Божиих и добродетели и таким образом теряет вечные и неоценимые блага; а также учит, что небесное всегда следует предпочитать земному. Слова же «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24) немало не противоречат нам: ибо все это должно относиться главным образом ко временам Христа; и они показывают, с каким трудом могут быть оставлены в стороне пороки, свойственные богатым, и принято учение христианское, чтобы заслужить вечное счастье, изобилующее благами. Наконец, что сказал Спаситель: «Всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14:33), относится только к Апостолам и к тем, кто был призван выполнять подобное служение. И, конечно, у тех, кто был послан проповедовать слово Божие и распространять христианскую веру по всему миру, не было времени, по причине таких великих дел, заботиться о земном благополучии.

Но что сказать о различных мнениях людей по этому поводу? Многие говорили, что земные блага, какие бы удовольствия ни воздействовали на чувства, созданы Богом для испытания нашей смелости и самообладания. Другие пошли еще дальше и говорили, что все видимое в этом мире следует считать злом, и осуждали их использование. Чтобы опровергнуть эти высказывания безумцев, достаточно привести слова св. Павла, который, вдохновленный божественным духом, проповедовал: «В последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей», запрещая брак и воздерживаясь от пищи, которую Бог создал для того, чтобы верные принимали ее с благодарением (1 Тим. 4:2 и след.). Когда некоторые привязываются к земным благам действием врага, из-за связанных с ними опасностей пороков,

должно ответить, что даже бедность гораздо менее свободна от них; но христианская забота о земных вещах (о качествах, о которых мы поговорим вскоре), не только не опасна для добродетели, но весьма полезна.

Точно так же, как в почести, так и в приобретении богатства желательны умеренность, добрая цель и справедливые средства. Богатство – это средство, а не цель; оно открывает путь к добродетели и счастью, но не составляет самой добродетели или счастья. Ни в коем случае не подобает человеку тратить на них все свои силы и устремления; ибо, во-первых, по словам Христа (Мф. 6:33), мы должны искать Царства Божия и правды Его, а остальное приложится нам. Сначала я буду искать вечное блаженство, а затем временное счастье. Более того, непомерная любовь к богатству порождает многие пороки, не менее противные достоинству христианина, чем его счастье. «Проклятая жажда золота, к чему не склоняешь ты бессмертные души!» (Вергилий, «Энеида»). Отсюда вытекает скупость, которая является источником многих грехов: ибо скупость (как говорит св. Августин) ни Бога не боится, ни человека не чтит, ни Отца не щадит, ни матери не признает, ни брата не слушается, ни другу не доверяет, притесняет вдову, не помогает сироте, лжесвидетельствует. Поэтому любовь к богатству должна быть такой, чтобы мы не гордились тем, что приобрели, и не горевали более чем нужно, если оно было утрачено, помня, что эти блага не являются необходимыми, но лишь случайными, без которых мы можем обойтись. Но христианину недостаточно приобретать богатство с умеренностью, необходимо предположить его хорошую цель. Желать богатства, искать его и наслаждаться им – это правильно, поскольку так мы можем удовлетворить наши естественные потребности, возвышать нашу добродетель и содействовать счастью других. Итак, что чуждо этой цели, то и в заботе о богатстве несправедливо. Не богатство есть зло, а во зло употребление его; и (как говорит святитель Златоуст) богача отвергли не потому, что он был богат, а потому, что он был жесток и бесчеловечен. Поэтому мы ищем или желаем земных благ не с тем с намерением, чтобы нам легче было удовлетворять злые похоти и совершать другие дела, запрещенные божественными и человеческими законами, что ни в коем случае не допускается.

Что же касается средств приобретения богатства, то они должны быть честными и разрешены законами. Справедливыми

же средствами для достижения этой цели является усердие в правильном исполнении обязанностей своего призвания и старание. Но неправильно наносить ущерб богатству других, посягать на их права, извлекать выгоду и получать прибыль от плохих или грязных дел, предприятий и услуг, которые поддерживают беззаконие других. Эти три вещи, а именно: умеренность, благая цель и законные средства, необходимы для христианского и правильного стремления к благополучию; и мы показали, что такая забота не противоречит Евангелию.

Учитывая то, что мы говорили в диссертации о временных благах; теперь мы можем заключить, что забота о почести и средствах законна и что она относится к нашим обязанностям; и люди грешат в этом деле только злоупотреблениями; но если мы будем соблюдать указанные правила, у нас будет больше возможностей, чтобы обеспечить себе как временное счастье, так и вечное блаженство.

Иосиф Семашко

Литература

Жукович П. Н. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – № 5–6.

Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора: в 3 т. / митрополит Иосиф (Семашко). – СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1883. – Т. 1.

Киприанович Г. Я. Жизнь Иосифа Семашко / Г. Я. Киприанович. – Вильна, 1997.